

suicide; specifics of prevention of suicidal behavior of a special agent in institutions of the penal system; anti-suicidal factors. The article presents a socio-psychological model of prevention of suicidal behavior in custody, including the principles, directions, functional levels and methods of this work.

Keywords: anti-suicidal factors, secondary prevention, maladjustment, in detention, conflict, crisis, strategies for preventing suicidal behavior, General prevention, organizational principles of suicide prevention, primary prevention, presize, prevention of suicidal behavior; social isolation, special squads, suicide, suicidal behaviour, suicidal risk, suicidal tendency, tertiary prevention, criminal-Executive system, the risk factors for suicidal behavior.

УДК 159.9:34

И.Е. Метлицкий, кандидат психологических наук, доцент (Республиканский институт высшей школы)

РЕФЛЕКСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ИНСЦЕНИРОВКИ КРИМИНАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

С позиции системного подхода представлен авторский взгляд на понятие, психологические признаки инсценировки криминального события и структуру рефлексивного мышления субъекта раскрытия и расследования преступления.

Ключевые слова: криминальное событие, инсценировка криминального события, признаки инсценировки преступления, рефлексивное мышление субъекта раскрытия и расследования преступления.

Достичь быстрого, полного и всестороннего расследования криминального события, установить всех лиц, причастных к совершению преступления, и своевременно привлечь их к уголовной ответственности не всегда представляется возможным из-за противодействия раскрытию и расследованию противоправного деяния со стороны заинтересованных лиц. Способы такого противодействия по своему содержанию отличаются многогранностью и изощренностью. Центральное место среди них занимает инсценировка криминального события.

Анализ научных подходов к пониманию феномена инсценировки криминального события (криминальной инсценировки) позволяет говорить о влиянии на операционализацию данного понятия взглядов ученых-криминалистов, которые ассоциируют его содержание с негативными обстоятельствами криминального события. По мнению Г.Н. Мудью-

гина [1], Н.И. Порубова [2, с. 53], А.М. Хлуса [3, с. 128], к ним следует отнести не соответствующие друг другу обстоятельства либо фактические данные, противоречащие обычному ходу вещей и субъективному представлению о событии.

Р.С. Белкин [4], А.Р. Рагинов [5, с. 250–254], М.В. Савельева [6] под инсценировкой преступления понимают не просто уничтожение преступником следов или воспрепятствование их появлению, а создание ложной обстановки места происшествия.

Аналогичную позицию занимают И.Н. Якимов [7, с. 44] и Л.П. Расказов [8]: симуляция выражается чаще всего в изменении обстановки места происшествия или приведения ее в порядок.

Г.Н. Мухин феномен инсценировки преступления рассматривает с позиции симуляции преступления (заложенной еще в исследованиях Г. Гросса): «создание видимости одного события вместо другого путем утаивания, уничтожения, маскировки, фальсификации объектов» [9, с. 22].

В свою очередь, Г.А. Зорин приходит к выводу, что инсценировка преступления, во-первых, это область материальной следовой среды, из которой надо убрать все лишнее, чтобы очистить наносное, ложное, но желаемое для преступника, во-вторых, неопределенная информационная дистанция, промежуток, обозначающий пустоту, отсутствие видимых криминальных форм, а также криминальная пауза, вступление в большое произведение, которым является творчество следователя в процессе раскрытия и расследования преступления, в-третьих (с позиции превращения реальности в вымысел), прерывание смысла бывшего действия, а на его месте произрастание другого, искусственного, не обеспеченного реальными связями [10, с. 201].

Достаточно детально вопрос инсценировки преступления представлен в исследованиях В.И. Фадеева. Автор полагает, что инсценировка – создание видимости события, которое якобы имело место в действительности. А поскольку инсценировка – целенаправленная деятельность преступника, то она всегда отражает хотя бы некоторые элементы события, происшедшего на самом деле. В связи с чем инсценировку нужно рассматривать в двух аспектах: как процесс, направленный на сокрытие подготавливаемого или уже совершенного преступления; как результат этой деятельности [11, с. 16].

Таким образом, в рамках представленных научных подходов четкое понимание феномена инсценировки преступления пока не сложилось: одни авторы относят ее к смешанной форме противодействия правоохранительным органам, другие считают ее созданием видимости события, которого в действительности не было.

До настоящего времени и в юридической психологии отсутствует четкий научный подход не только к операционализации понятия инсценировки преступления, но и к типологизации психологических признаков криминальной инсценировки. В связи с изложенным полагаем, что феномен инсценировки преступления целесообразно рассматривать с позиции личностно-деятельностного подхода в области криминальной психологии и психологии предварительного расследования как целенаправленную и преднамеренную деятельность субъекта противоправного деяния, направленную на искажение криминальной реальности в конкретном пространственно-временном периоде путем формирования неопределенных связей, способных деформировать восприятие и оценку реального криминального события со стороны следствия (органа дознания). Отличительная черта криминальной инсценировки – выбор субъектом преступления способа введения в заблуждение сотрудников правоохранительных органов в конкретном пространственно-временном периоде. Цель такого поведения – получить значимую для него реакцию следствия (органа дознания) – ошибочную оценку преступного события, назначение нецелесообразных экспертиз, ошибочные версии и на их основе разработку плана раскрытия и расследования преступления.

Следует согласиться с мнением Г.А. Зорина, что способ криминальной инсценировки во многом раскрывает индивидуально-психологические особенности личности субъекта преступления [10, с. 67].

Исходя из представленной понятийной базы, полагаем целесообразной систематизацию криминальных инсценировок по следующим основаниям:

по объекту – инсценировка криминального события, которого не было, либо некриминального события, когда в действительности имело место преступное деяние;

времени – подготавливаемое по «высокому сценарию» – задолго до совершения преступления, по «низкому сценарию» – во время либо сразу после совершения преступления;

способу – инсценировка преступления в полном объеме (отдельных элементов криминального события);

субъекту – осуществление непосредственно субъектом преступления (участвуют другие лица, например сложное соучастие);

содержанию – инсценировка с использованием материальных следов криминального события (с использованием следов в сочетании с заранее выбранным поведением и сообщением заведомо ложных сведений);

длительности влияния криминальной инсценировки на следствие (орган дознания) – желание субъекта преступления, чтобы подлинное событие вообще не было установлено, либо стремление получить временные преимущества перед следствием.

Механизм криминальной инсценировки может быть представлен системой взаимосвязанных элементов:

анализом и оценкой ситуации, в которой оказался преступник;

принятием решения об инсценировке криминального события;

созданием мысленной модели события, которое предполагается инсценировать с учетом приемлемых вариантов криминального сценария; реализацией этой модели;

подготовкой легенды – ложных объяснений с целью убедить сотрудников правоохранительных органов в реальности инсценированного события и его причин;

разработкой стиля поведения на случай разоблачения инсценировки.

Практика работы автора по раскрытию и расследованию преступлений показывает, что заранее спланированные криминальные инсценировки тяжелее поддаются разоблачению, чем спонтанные (действуя спонтанно, преступник обязательно допускает какие-то ошибки и неточности в действиях, что способствует скорейшему выявлению инсценировки).

Предлагаем следующую типологию психологических признаков криминальной инсценировки:

1) перцептивные – восприятие лишних следовых дорожек (недостаток необходимых следовых образований, обнаружение следов в другом месте);

2) личностные:

неконгруэнтность при описании заинтересованными лицами динамики криминального события, отсутствие отдельных эпизодов криминального события при его полном описании, запечатление отдельных эпизодов события в ложных текстах участников (так называемое нарушение структуры латентных показаний – легенды);

эмоциональная насыщенность при демонстрации искусственной искренности, симуляция болезненного состояния «жертвы» преступления в ситуации готовности опознать преступника и изобличить его на очной ставке;

схематичность поведенческих реакций – формирование психологических защит (необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны), попытка навести сотрудников правоохранительных органов на место преступления, используя различные средства коммуникации;

3) социально-психологические:

неопределенная форма дистанции субъекта преступления при производстве следственных действий;

«высокий сценарий» – проявление элементов творчества при создании криминальной инсценировки, рефлексивное «проигрывание»

интеллектуальных процессов следователя (лица, производящего дознание), «низкий сценарий» – примитивная форма, бедное содержание;

разработка психологических ловушек для следствия (органа дознания).

Наш подход к пониманию феномена инсценировки криминального события основан на идеях В.А. Овечкина, что инсценировка криминального события – стремление преступника «осуществить рефлексивное управление следователем с целью введения его в заблуждение относительно фактически происшедшего события или его отдельных элементов и, таким образом, скрыть преступление и свое участие в его совершении» [12, с. 5]. Полагаем, что преступники не только сознательно искусственно создают обстановку определенного происшествия, но и соответствующим образом ведут себя в этой обстановке в качестве участников предварительного расследования, прибегая к ложному поведению. Расчет преступника в процессе создания криминальной инсценировки направлен на феномен профессионального выгорания следователя (лица, производящего дознание), в результате которого он, используя типовые методики расследования преступлений, порой не учитывает отдельные обстоятельства, противоречащие устоявшимся представлениям. Дополнительная эмоциональная демонстрация отчаяния (слезы, истерики, крики) усиливает психологическое воздействие шаблона, в то время как неординарные действия преступника не исследуются.

Именно по этой причине нами сделана попытка анализа рефлексивного мышления сотрудника правоохранительных органов – сравнительно нового метода в криминалистической психологии. Метод рефлексивного мышления сотрудника правоохранительных органов можно охарактеризовать как метод анализа мыслей субъекта преступления. Несмотря на то что термин «рефлексивное мышление» широко используется в других науках, мы рассматриваем его в контексте криминальной психологии – постановка себя на место преступника. Именно в этом значении понятие «рефлексия» и употребляется в юридической психологии [13, с. 140].

Как отмечает А.В. Дулов, рефлексивное мышление позволяет построить мысленную модель поведения участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования; планировать познавательную деятельность следователя; прогнозировать поведение участников процесса в ходе производства предполагаемых процессуальных действий; разработать систему воздействия на отдельных участников, являющихся источниками получения необходимой информации [14, с. 67].

Полагаем, что механизм рефлексивного мышления в деятельности следователя (лица, производящего дознание) с учетом определенной

сложности этого профессионально-психологического действия предполагает овладение тремя основными психотехниками:

1. «Погружение» следователя (лица, производящего дознание) в «психологический сценарий» субъекта преступления: погружение в мыслительную деятельность инсценировщика по различным направлениям (по механизму реально происшедшего события, механизму совершения инсценировки, отношению лица, выполнившего инсценировку, к самому процессу инсценировки, реальному объекту преступления и инсценированному объекту преступления, субъекту преступления и лицу, выполнившему инсценировку).

2. Рефлексивное отображение криминальной ситуации посредством рефлексивных рассуждений с четкой фиксацией позиции преступника. Исходя из того что управление рефлексивным мышлением строится по типу «я думаю, что он думает, что я думаю...» и представляет собой как бы непосредственное воздействие на рефлекслируемый объект, полагаем, что применение этого метода возможно при проведении некоторых следственных действий, таких как допрос, обыск, следственный эксперимент, проверка показаний на месте преступления.

3. Рефлексивное обоснование деятельности, направленной на изоляцию преступника в совершении противоправного деяния. В этом контексте речь идет о том, чтобы побудить преступника отказаться от заранее запланированной композиции поведения и дать согласие на сотрудничество с правоохранительными органами. Как вариант – управление рефлексивным мышлением неизвестного инсценировщика возможно и в ситуации, когда следователь при помощи средств массовой информации распространяет сведения о том, что преступник известен. Этот способ дает неверное представление инсценировщику о реальном ходе расследования, дезориентирует его планы и способствует допущению ошибок в посткриминальном поведении.

Существуют две основные проблемы реализации метода рефлексивного мышления со стороны сотрудников правоохранительных органов:

в мыслительной деятельности противников их рефлексивные рассуждения неизбежно сопровождаются имитацией мыслей и действий друг друга, что отражается в игровой модели, включающей в себя наряду с обстановкой и условиями взаимодействия и самих участников процесса;

средством рефлексивного управления субъектом преступления выступает рефлексивная информация, в которой должны содержаться сигналы-стимулы, воздействующие на различные сферы личности подготавливаемого (обвиняемого), побуждающие его к определенным действиям, иными словами, цель рефлексивного управления субъектом преступления состоит в том, чтобы инсценировщик сам сформировал

у себя неправильное представление о степени осведомленности следователя (лица, производящего дознание) по поводу тех или иных обстоятельств дела, его планах, намерениях или состоянии расследования.

1. Мудьюгин, Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками / Г.Н. Мудьюгин. – М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1973. – (Серия «Библиотека следователя»).
2. Порубов, Н.И. Значение негативных обстоятельств в установлении инсценировки преступлений / Н.И. Порубов. – М. : Юрид. лит., 1965.
3. Хлус, А.М. Криминалистика: курс интенсивной подготовки / А.М. Хлус. – Минск : ТетраСистемс, 2007.
4. Белкин, Р.С. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы) / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М. : Юрид. лит., 1969.
5. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей : учеб. пособие / А.Р. Ратинов. – М. : ВШ МООН СССР, 1967.
6. Савельева, М.В. Криминалистика : учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – М. : ИД «Дашков и К», 2009.
7. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. – Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. . – М. : Лекс-Эст, 2003.
8. Рассказов, Л.П. Симуляция преступлений : метод. обзор / Л.П. Рассказов. – М. : Юриздат, 1945.
9. Мухин, Г.Н. Криминалистика : учеб. пособие / Г.Н. Мухин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004.
10. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики / Г.А. Зорин. – Минск : Амалфея, 2000. – (Серия «Фундаментальная криминалистика XXI века»).
11. Фадеев, В.И. Расследование криминальных инсценировок / В.И. Фадеев. – М. : Норма, 2009.
12. Овечкин, В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками / В.А. Овечкин. – Харьков : Университетское, 1975.
13. Прикладная юридическая психология : учебник / И.И. Аминов [и др.] ; под. ред. А.М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ, 2001.
14. Дулов, А.В. Судебная психология : учеб. пособие / А.В. Дулов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 1975.

Поступила: 29.05.2020

I.E. Metlickij, Candidate of Psychology, Associate Professor (National Institute for Higher Education)

REFLECTIVE THINKING OF THE EMPLOYEE OF LAW ENFORCEMENT BODIES AT REVEALING OF SIGNS OF THE PERFORMANCE OF CRIMINAL EVENT

The article from a position of the system approach the author's sight at concept, psychological signs of a performance of criminal event and structure of reflective thinking of the subject of disclosing and investigation of a crime is presented.

Keywords: criminal event, a performance of criminal event, signs of a performance of a crime, reflective thinking of the subject of disclosing and investigation of a crime.

УДК 351/354

А.А. Мушта, кандидат философских наук, доцент (Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСЫ УПРАВЛЕНИЯ В СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, ПРАКТИКИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ

Раскрываются факторы востребованности управленческих концептов «стратегические коммуникации» и «национальная стойкость» в политике современной Украины. Показан их многоуровневый характер и разноплановая роль, в том числе в механизме интеграции Украины в НАТО. Нормативная база, концептуальные и правовые основания стратегических коммуникаций и национальной стойкости сопоставляются с практикой их реализации субъектами сектора национальной безопасности и обороны Украины. Выявляются существующие проблемы, при этом акцент делается на психологические аспекты. Показывается, что острый характер носит проблема кадрового обеспечения силового блока компетентными специалистами в анализируемых областях. Делается вывод, что реализуемые в секторе обороны и безопасности Украины управленческие концепции и тесно связанные с ними кадровая политика и морально-психологическое обеспечение представляют научный и практический интерес в плане их изучения в условиях Беларуси.

Ключевые слова: сектор обороны и безопасности, военная доктрина, Вооруженные Силы Украины, Организация Североатлантического договора (НАТО), стратегические коммуникации, национальная стойкость, человеческий фактор, морально-психологическое обеспечение.

Современный мир живет в эпоху многообразных вызовов и угроз, становясь все менее безопасным для жизни людей. Риски и вызовы вносят актуальные обновления в национальные стратегии кризисного реагирования, что в данном случае объясняет научный и практический интерес к управленческим концепциям, востребованным в органах безопасности и обороны Украины.

В теории и практике государственного управления современной Украины концепция стратегических коммуникаций широко используется на